

Филаретъ полагаетъ, что въ Адамѣ, Исаакѣ или женахъ ихъ сокрыта причина неодинаковости ихъ дѣтей. Адамъ, напоенный еще свѣжимъ ядомъ грѣха, родилъ дерзкаго Каина. Онъ же, смирившійся и уничиженный скорбію о дерзости первенца, родилъ кроткаго, но непрочнаго Авеля, а утвержденный терпѣніемъ въ надеждѣ и надеждою въ терпѣніи родилъ Сіоа—надежное основаніе потомства.

Относительно неодинаковости близнецовъ Ревекки мудрый святитель предполагаетъ, что Ревекка передала Исаву преимущественно прародительскій грѣхъ, а Иакову—преимущественно законъ Божіа благословенія о рожденіи чадъ... Словомъ, родители суть первые виновники всего и дурного, и добраго въ своихъ чадахъ.

Какое поэтому пристальное, напряженное вниманіе требуется отъ родителей къ великимъ тайнамъ рожденія и воспитанія ихъ дѣтей! Сколь необходимо имъ тутъ всемогущее Божіе благословеніе!..

Прот. Н. Дроздовъ.

Мысли о церковной импровизаціи.

Недавно въ «Приходскомъ Листкѣ» (№ 158) помѣщенъ былъ отзывъ Псковскихъ Епарх. Вѣд. объ одномъ видѣ церковной проповѣди, который авторъ отзыва называетъ «непростительной, кощунственной болтовней, не дающей ничего уму и сердцу слушателя». «Такія проповѣди», пишетъ онъ, «раздаются у насъ въ большинствѣ храмовъ, говорятся за каждою службою, дѣлаясь какъ бы составною частью богослуженія. Къ подобнымъ поученіямъ не готовятся, считая излишней подготовку: «хоть день могу говорить безъ подготовки на любую тему». «Подобные проповѣдники», продолжаетъ авторъ отзыва, «конечно, бичъ для церковной аудиторіи. Ихъ тагучая, безсодержательная проповѣдь ничего не можетъ навѣять на

слушателей, кромѣ сильнѣйшаго желанія прекратить пытку».

Видимо, такой отзывъ, самымъ тономъ своимъ не свидѣтельствующій о спокойствіи и безпристрастіи автора, направленъ противъ церковной импровизаціи, въ которой авторъ усматриваетъ однѣ отрицательныя стороны. Не соглашаясь съ приведеннымъ взглядомъ, далеко, конечно, не единственнымъ, мы хотѣли-бы обратить вниманіе проповѣдниковъ на этотъ вопросъ и вызвать по нему обменъ мнѣній пастырей, хорошо знающихъ дѣло съ его практической стороны. Вопросъ, несомнѣнно, и сложный, и очень важный. Намъ кажется, что отъ рѣшенія его зависитъ не только опредѣленіе того, какъ говорить священнику, но и того, говорить-ли ему или нѣтъ. Думается, что если бы вмѣнено было въ обязанность пастырямъ не иначе проповѣдывать, какъ предварительно написавши проповѣдь, то многимъ изъ нихъ пришлось бы или вовсе отказаться отъ проповѣданія, или-же, что еще хуже, вести это дѣло лишь формально, для виду, чтобы можно было дѣлать о томъ соответствующія записи въ клировыхъ вѣдомостяхъ.

Въ проповѣднической литературѣ импровизація имѣетъ и своихъ сторонниковъ, правда, немногихъ, и противниковъ. Съ этой стороны вопросъ подробно изложенъ проф. Кіевской Дух. академіи В. Θ. Пѣвницкимъ въ его книгѣ «Церковное краснорѣчіе». Изъ числа сторонниковъ импровизаціи Пѣвницкій приводитъ архіеп. харьковскаго Амвросія, проф. Тарѣва и протоіерея Гр. Дьяченко. Къ числу противниковъ относится митрополитъ московскій Филаретъ, арх. херсонскій Димитрій, протоіерей Родіонъ Путятинъ и многіе др. Косвенно противъ импровизаціи профессоръ Пѣвницкій направляетъ приводимые имъ взгляды даже о. о. церкви—Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова. Не за импровизацію говорятъ и такіе знаменитые ораторы древности, какъ Демосѣенъ, Цицеронъ и Квинтиліанъ, а равно многіе высокіе авторитеты проповѣдничества за-

падныхъ церквей. Вообще изъ приводимыхъ отзывовъ и цитатъ противниковъ импровизаціи видно, что самъ В. О. Пѣвницкій склонялся въ эту сторону, но въ результатъ своего изслѣдованія, профессоръ Пѣвницкій не высказывается противъ импровизаціи. «Та и другая метода», пишетъ онъ, «метода импровизаціи и метода тщательнаго приготовленія проповѣди черезъ запись или черезъ одно внутреннее обдумываніе и усвоеніе содержанія проповѣди, могутъ быть употребляемы въ дѣло. Предписывать исключительно одну изъ этихъ методъ, заставляя слѣдовать непременно одной изъ нихъ—это могло-бы повести къ уменьшенію числа проповѣдниковъ,—черезъ это мы могли-бы привести къ молчанію такихъ людей, которые могли-бы быть украшеніемъ церковной каѳедры. Таланты и расположенія людей различны, и пусть каждый въ своей проповѣднической практикѣ сообразуется со своими природными расположеніями. Кто безъ стѣсненія можетъ импровизировать, не боясь замѣшательства, кто владеетъ свободнымъ словомъ,—пусть импровизируетъ. Кто, приготовляя проповѣдь, находитъ возможнымъ довольствоваться однимъ внутреннимъ обдумываніемъ, безъ записи своихъ мыслей на бумагѣ,—пусть слѣдуетъ этой методѣ. А много и такихъ, для которыхъ такое приготовленіе недостаточно, и которые, не боясь конфуза, могутъ произносить только записанное. Зачѣмъ запрещать такимъ выступать на каѳедру со словомъ, напередъ записаннымъ?»

Словомъ, проф. Пѣвницкій стоитъ, такъ сказать, на позиціи между сторонниками и противниками импровизаціи, предоставляя все свободѣ проповѣдника. Намъ кажется, что и проповѣдническая практика, да и самое существо дѣла заставляютъ болѣе рѣшительно высказаться за импровизацію. Самые доводы, приводимые противъ импровизаціи, намъ не кажутся достаточно убѣдительными, что мы и попытаемся выяснитъ путемъ настоящей статьи, а можетъ быть и другихъ статей сторонни-

ковъ и противниковъ импровизаціи, которыми редакция охотно дастъ мѣсто на страницахъ журнала.

Прот. *Евг. Кондратьевъ.*
(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія.

Перепечатка писемъ воспрещается.

Письма Высокопреосвященнѣйшаго Антонія.

СПБ. 24 іюня 1888 г.

Дорогой Папаша!

Письмо Ваше получилъ.

Мамаша уѣхала отъ меня въ среду на Троициной недѣлѣ, 15 іюня.

Съ 1-го іюля я выѣзжаю въ Финляндію для обзорнѣя православныхъ приходо́въ. Проѣзжу, вѣроятно, почти весь іюль мѣсяць.

Въ настоящее время дѣлъ у меня стало поменьше, но не надолго. Іюль проведу въ путешествіи, а съ августа—съ половины опять начнутся учебныя занятія, опять пойдутъ нескончаемыя хлопоты и постоянныя труды.

Вапа мысль завести экипажъ изъ Петербурга неосуществима. На экипажи здѣсь слишкомъ высокая цѣна: отъ 500 и до 1000 р. Вы лучше закажите чрезъ Яшу у Мухина. Притомъ здѣсь работаютъ экипажи только для городской ѣзды, для сельскихъ же дорогъ они не подходящи.

Будьте здоровы.

Всѣхъ цѣлую. Теперь, вѣроятно, къ Вамъ начинаютъ уже съѣзжаться родные.

Любящій Васъ сынъ Вашъ *Антоній.*

21 іюля 1888 г. Фридрихсгамъ

Дорогіе мои родители!

Давно я не писалъ Вамъ и теперь пишу изъ далекой Финляндіи, по которой я путешествую уже съ 1-го іюля. Сначала я былъ въ Восточной Финляндіи, обзорная церкви и приходы, расположенные по островамъ и побережьямъ Ладожскаго озера. Былъ въ монастыряхъ—Коневскомъ и Валаамскомъ, въ городахъ: Сердоболъ и

При подворьѣ Радочницкаго монастыря.
 » церкви министерства внутрен. дѣлъ.
 » Бѣльской церкви, Гдовскаго уѣзда.
 Въ с. Щепцѣ, Гдовскаго уѣзда.

в) псаломщическія:

При гимназій Императора Петра Великаго.
 » Лондонской Посольской церкви.

При Петроградскомъ Университетѣ.
 » Кушелкинской церкви, Гдовскаго у.
 Въ с. Заяньѣ, при Эстонск. церкви.
 » с. Сойкинѣ, Ямбургскаго уѣзда.
 » с. Велень, Гдовскаго уѣзда.
 » с. Рѣдкинѣ, Ямбургскаго уѣзда.
 На Смоленскомъ кладбищѣ (двѣ).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Мысли о церковной импровизаціи.

(Продолженіе ¹⁾).

Мы начнемъ съ опредѣленія импровизаціи. Въ чемъ она состоитъ? Очень сомнѣваемся, чтобы были такіе пастыри, которые понимали-бы ее такъ, какъ говорилъ авторъ приведеннаго въ началѣ статьи отзыва, т. е., могу, дескать, говорить хоть цѣлый день и на любую тему, ибо это не импровизація, а глупость и невѣжество, о которыхъ не можетъ быть и рѣчи. Проповѣдникъ - импровизаторъ отличается отъ неимпровизатора тѣмъ, что когда послѣдній свои проповѣди непременно предварительно записываетъ и безъ такой записи ничего не рѣшается сказать народу, первый, импровизаторъ, свою проповѣдь, заранѣе приготовленную, облачаетъ въ словесную форму при самомъ произношеніи. Этой стороны главнымъ образомъ и касается импровизація, хотя простирается и далѣе. При произношеніи проповѣднику можетъ случиться надобность измѣнить самый планъ, привести другіе доводы, высказать новыя, не предвидѣнныя заранѣе мысли, иногда блестящее яркое сравненіе. Словомъ, импровизаторъ является полнымъ хозяиномъ

своего слова. Чаше оказывается надобность сокращать приготовленную проповѣдь, кое-что выпустить.

Но импровизаторъ готовится къ своей проповѣди не менѣе всякаго другого оратора, только подготовка его совсѣмъ иная.

Проповѣдникъ не импровизаторъ при приготовленіи проповѣди преимущественно долженъ обращать вниманіе на ея внѣшнюю, словесную сторону, хотя въ существѣ эта сторона все же второстепенная, это, такъ сказать, оболочка проповѣди. Говоримъ: преимущественно, потому что иначе, безъ записи, онъ не можетъ сказать проповѣди, а говорить, положимъ, необходимо. Недостатокъ изученія вопроса, углубленія въ него, недочетъ въ доводахъ—все это для него сойдетъ, былъ-бы текстъ проповѣди написанъ. Проповѣдникъ-же импровизаторъ, оставляя въ сторонѣ словесную форму, весь трудъ свой сосредоточиваетъ на самомъ содержаніи проповѣди. Для него слова найдутся, были-бы ясны мысли, послѣдовательно обдумавъ вопросъ, сильны доводы. Одинъ изъ современныхъ не церковныхъ ораторовъ о приготовленіи своихъ рѣчей говорилъ такъ: «я семь разъ напишу рѣчь, чтобы въ восьмой сказать совершенно новую». И такой трудъ подготовки совершенно естественъ. Для упражняющихся въ импровизаціи понятно и это несходство самой рѣчи съ напередъ заготовляемыми,

¹⁾ См. № 31 „Изв.“.

особенно въ условіяхъ политическаго и судебного ораторства. Впрочемъ, для церковнаго оратора возможно заранее тщательно изучить нѣкоторые отдѣлы вѣроученія, правоученія, библейской и церковной исторій и имѣть всегда готовый матеріалъ для своихъ рѣчей. Несомнѣнно немало, напр., найдется священниковъ, которые, положимъ, прекрасно знаютъ отдѣлы о таинствахъ. Много ли при такихъ условіяхъ нужно подготовиться проповѣднику къ проповѣди, если онъ владѣеть словомъ. Но это никакъ не будетъ проповѣдью безъ подготовки. Словомъ, для оратора церковнаго возможна подготовка общая, состоящая въ постоянномъ изученіи Слова Божія и предметовъ вѣры, а она-то и имѣетъ преимущественное значеніе. Въ этомъ отношеніи ораторъ церковный стоитъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ ораторы политическіе и судебные, въ каждомъ выступленіи имѣющіе случаи индивидуальныя, требующіе спеціальнаго всякій разъ изслѣдованія и спеціальной подготовки. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ трудъ импровизатора въ отвѣтъ на существующій взглядъ, между прочимъ, видимо, предполагаемый и проф. В. Ф. Пѣвницкимъ на импровизацію, какъ на проповѣдь будто бы безъ труда, на проповѣдь легкую. Намъ кажется, что это совсѣмъ не такъ. Импровизація требуетъ никакъ не меньшаго труда, чѣмъ и запись проповѣдей. Кромѣ подготовки, чего стоитъ импровизатору каждое выступленіе. Архіепископъ Амвросій Харьковскій, въ этой области высокій авторитетъ, замѣчаетъ, что всякій разъ послѣ импровизаціи проповѣдникъ чувствуетъ крайнее утомленіе, тогда какъ спокойное чтеніе по запискѣ едва-ли требуетъ отъ проповѣдника какого-либо напряженія. Но только трудъ импровизатора иной и совершается онъ иначе. Поэтому всѣ выдержки у проф. Пѣвницкаго изъ авторитетныхъ проповѣдниковъ, въ томъ числѣ изъ святыхъ отцевъ, о томъ, что пастырь долженъ напряженно трудиться въ дѣлѣ проповѣди, нельзя считать го-

ворящими противъ церковной импровизаціи.

Какая-же проповѣдь имѣетъ преимущество—записанная или импровизированная, которая лучше?

Несомнѣнно, написанная проповѣдь имѣетъ значительныя преимущества предъ импровизированной со стороны грамматики, синтаксиса. Языкъ ея глаже, слогъ правильнѣе. Можетъ быть и планъ строже выдержанъ, и изложена она систематичнѣе. Но въ отношеніи дѣйственности и вліянія на слушателей слово импровизированное, по нашему мнѣнію, стоитъ несомнѣнно выше. Архіепископъ Амвросій въ своемъ прекрасномъ трудѣ: «Живое слово» приводитъ такой фактъ. Когда ему приходилось издавать ранѣе сказанныя имъ импровизаціи и дарить ихъ своимъ слушателямъ, то послѣдніе, отзываясь съ похвалами о проповѣдяхъ, говорили,—хороши, де, проповѣди, а вотъ тѣ, которыя вы говорите, лучше.—Почему-бы, спросимъ мы. Вѣдь, въ всякихъ сомнѣній, записанная импровизированная рѣчь должна имѣть преимущества предъ сказанной. При записи въ ней, конечно, исправлены всѣ допущенныя при произнесеніи грамматическіе и другіе недочеты, дополнено недосказанное, выпущено лишнее. Но она лучше, прибавимъ мы отъ себя, какъ свѣжій продуктъ лучше консервовъ, а записанная рѣчь это всегда консервированная рѣчь. Есть, намъ кажется, особая прелесть слова, только что, такъ сказать, рождающагося, идущаго что самаго сердца, именно живого, какъ бы трепещущаго. «Слово писанное», по выраженію архіепископа Амвросія, «въ лучшемъ своемъ значеніи, есть озеро воды, собранной вѣками и заготовляемой для будущаго; слово-же устное есть ключъ живой воды, бьющій прямо изъ источника, журчащій и сверкающій предъ глазами путника и съ особенною силою манящій его къ утоленію жажды».

Записанную проповѣдь проповѣднику приходится читать по тетрадкѣ; а какъ-бы ни было хорошо чтеніе, оно никогда

не замѣнить слова устнаго. Связанный записью, проповѣдникъ не смотритъ на своихъ слушателей, и тѣ не видятъ ни глазъ, ни оживленнаго лица проповѣдника, и нѣтъ между ними той живой, взаимно гипнотизирующей связи, которая такъ чувствуется, такъ бодритъ проповѣдника и такъ воодушевляетъ слушателей при живой рѣчи. Такая проповѣдь обращается въ большинствѣ случаевъ въ скучное, монотонное чтеніе, отъ котораго или уходятъ слушатели, или же, скрѣпя сердце, съ нетерпѣніемъ, выражаемымъ общимъ покашливаніемъ и др. звуками, ожидаютъ его окончанія. И это прекрасно чувствуютъ многіе проповѣдники и прибѣгаютъ въ особыхъ случаяхъ къ заучиванію наизусть своихъ рѣчей, чтобы имѣть хотя-бы видъ свободно говорящаго оратора. Считаемо, что этотъ послѣдній приемъ хуже перваго, т. е., чтенія. Судите сами, каково будетъ состояніе духа оратора, неизбѣжно тревожимаго мучительною заботою, какъ-бы не забыть какого слова и не оборваться. Можетъ-ли въ такомъ положеніи человѣкъ говорить свободно, убѣждая въ чемъ слушателей или разъясняя какую истину. Никогда. Отъ такого оратора получается впечатлѣніе не спокойнаго учителя церковнаго, а скорѣе неувѣреннаго ученика, съ робостью отвѣчающаго урокъ свой и радующагося его окончанію. Проф. Пѣвницкій въ книгѣ своей приводитъ такой случай съ архіепископомъ Одесскимъ Димитріемъ. Оканчивая Духовную Академію, онъ, по назначенію начальства, выступилъ съ заранѣе заготовленною имъ и выученною наизусть рѣчью предъ митрополитомъ. Но память ему измѣнила, онъ смѣшался, остановился, и оборванная рѣчь осталась неоконченной. Состояніе совершенно понятное. Подобное всегда можетъ случиться съ человѣкомъ, понадѣющимся на свою память, и такой страхъ всегда долженъ его сковывать. Проф. Пѣвницкій прибавляетъ, что этотъ случай имѣлъ значеніе на всю жизнь архіепископа Димитрія. Обладая живымъ словомъ и всѣми способностями

для импровизаціи, онъ никогда послѣ этого не рѣшался выступить предъ народомъ съ проповѣдью безъ записки. На этомъ примѣрѣ наглядно оправдывается и слѣдующее замѣчаніе архіепископа Амвросія: «пропалъ импровизаторъ, если на первыхъ порахъ случится съ нимъ что-либо подобное (стр. 83)». Но намъ кажется, скажемъ кстати, что подобныя неудачи никакъ не должны бы имѣть такихъ послѣдствій. Что-же изъ того, что сконфузился проповѣдникъ? что оборвалась его рѣчь? Не правильнѣе-ли слѣдующее сужденіе, которое намъ привелось слышать отъ одного скромнаго священника, оказавшагося въ подобномъ положеніи. «Что-же дѣлать, говорилъ онъ, невѣрные шаги неизбѣжны. Никто не научится и не можетъ научиться говорить безъ промаховъ и ошибокъ. Хочешь добиться своего, потерпи и стыдъ»... Такъ-бы, думаемо, слѣдовало отнестись къ неизбѣжнымъ въ началѣ неудачамъ каждому, выступающему на путь импровизаціи, проповѣднику. Нельзя-же христіанскому пастырю имѣть столь чувствительное самолюбіе, что, боясь конфуза, оставлять свое прямое дѣло, лишь-бы не потерпѣла его личность.—Дѣло-бы не пострадало, проповѣдь-бы не потерпѣла, долгъ-бы пастырскій исполненъ былъ предъ Богомъ. А надъ проповѣдникомъ всегда и смѣяться будутъ, и поносить будутъ, и ругать будутъ... Это, можно сказать, своего рода законъ міра, всегда на церковь, Христа и служителей Его воюющаго.

Но возвратимся къ поставленному вопросу. Этихъ указанныхъ недостатковъ не имѣетъ рѣчь импровизированная. Импровизаторъ свободенъ въ своемъ словѣ, и онъ можетъ говорить, какъ власть имѣющій. Онъ поставленъ быть учителемъ своей паствы, и онъ, по мѣрѣ силъ своихъ и данной ему благодати, дѣйствительно учитель вѣры. Что-же касается нѣкоторыхъ естественныхъ при импровизаціи недочетовъ и грамматическихъ, и синтаксическихъ, и прочихъ, то они и не всегда замѣтны въ живой рѣчи, и покрываются другими ея

достоинствами. Почитайте стенограмму самой лучшей импровизированной рѣчи, и сколько въ ней окажется шероховатостей и всякихъ неправильностей, но тѣмъ не менѣе она произвела прекрасное впечатлѣніе. имѣла успѣхъ и оказала свое дѣйствіе. какихъ никогда не достигла-бы рѣчь писанная. Очевидно, устное слово имѣетъ свои особые законы. Есть вѣрное выраженіе: «плохая похвала оратору сказать—говорить, какъ пишетъ». Въ живой рѣчи иногда одно слово замѣняетъ цѣлыя фразы или одинъ жестъ десятки словъ. Главное-же здѣсь то, что проповѣдникъ-импровизаторъ живетъ въ своемъ словѣ, напряженно мыслить, живо чувствуетъ, и непосредственно отъ сердца течетъ рѣчь его. Тутъ между нимъ и слушателями нѣтъ никакой преграды, ихъ ничто не раздѣляетъ, они сливаются въ одномъ чувствѣ, между ними создается удивительная связь. Проповѣдникъ инстинктивно чувствуетъ настроеніе слушателей, заражается ихъ воодушевленіемъ, замѣчаетъ самое незначительное ихъ утомленіе и въ такихъ случаяхъ или приподнимаетъ ихъ настроеніе, или же сокращаетъ свою рѣчь. Намъ кажется, что только такая рѣчь можетъ воодушевлять, можетъ влечь за собою.

Впрочемъ, вопросъ о преимуществахъ той или иной рѣчи не рѣшаетъ дѣла въ пользу записыванія проповѣдей или ихъ импровизации. Важнѣе другое. Какой родъ проповѣди обезпечиваетъ нормальное положеніе церковнаго учительства? Пусть, скажемъ примѣрно, золотые и серебряные сосуды лучше оловянныхъ или парчевыя ризы лучше полотняныхъ, но вся суть въ томъ, чтобы были сосуды, были ризы, а какіе, это дѣло второстепенное. Такъ и относительно проповѣди. Нельзя требовать, чтобы вездѣ было самое совершенное слово, но должно, чтобы оно непременно было, чтобы учительство пастырское не ослабѣвало. Съ этой стороны, намъ кажется, слово писанное никакъ не можетъ замѣнить слова устнаго, и пастырь, не практикующій слова устнаго и не вла-

дѣющій имъ, не можетъ выполнить возложеннаго на него долга учительства церковнаго. Вѣдь, онъ долженъ, по завѣту апостола, проповѣдывать, «благовременне и безвременне», т. е., во всякой обстановкѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, при всякомъ общеніи съ пасомыми. Священникъ всегда учитель вѣры. Можно ли это осуществить безъ устнаго слова? Возьмемъ примѣры изъ обыкновенной жизни. Вотъ позвали батюшку на молебенъ. Собрались рабочіе. Хозяинъ ихъ проситъ священника: предупредите, дескать, батюшка, чтобы народъ поменьше пьянствовалъ, или оставилъ сквернословіе, или о чемъ-ниб. другомъ подобномъ. Чего-бы, кажется, лучше? Православные хотятъ слова, просятъ слова. Надо бы дорожить такимъ моментомъ, а священнику, связанному привычкой читать по запискамъ составленнымъ поученія, приходится подъ разными благовидными предлогами отказываться. Хорошо-ли это? На высотѣ-ли своего положенія пастырь-учитель? Или, напр., при совершеніи погребеній, кому, кажется, утѣшить людей, неутѣшно скорбящихъ, безнадежно рыдающихъ, какъ не пастырю? а бываетъ, и попросятъ объ этомъ. И что-же?— «Не написано, подождите». — Неужели такъ? И не печально-ли это? Такихъ случаевъ, и ничуть не выдумывая, можно приводить множество. Высокопреосвященный Амвросій вспоминаетъ, какъ молодымъ еще священникомъ онъ въ случайномъ разговорѣ жаловался Ф. В. Самарину на беспорядочность простого народа при исполненіи обрядовъ, при поклоненіи св. иконамъ и при помазаніи св. елеемъ.

— Что же вы народъ не останавливаете? говоритъ Федоръ Васильевичъ.

— Да какъ мы его остановимъ, когда и полиція часто не знаетъ, что съ нимъ дѣлать?

— Вы обязаны говорить народу и учить его, когда замѣчаете въ храмѣ беспорядки, кто-же и долженъ дѣлать это, если не вы? Говорите чаще, говорите всякій разъ въ ту самую минуту, когда замѣчаете беспо-

рядокъ, обличайте на мѣстѣ нарушителей порядка,—тогда всѣ будутъ васъ слышать и привыкнуть слушаться!

— Ну къ этому мы не привыкли, не водится у насъ и не умѣемъ мы говорить сейчасъ въ данную минуту по требованію обстоятельствъ.»

Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, священнику молчать, когда въ храмахъ чуть не на смерть давятъ людей? А, вѣдь, это до сихъ поръ можно видѣть почти повсюду. И все одинъ отвѣтъ: «не написано». Возьмите сектантское движеніе, сколько здѣсь предстоитъ для пастыря встрѣчъ, запросовъ, разговоровъ. Можно ли ограничиться и тутъ однимъ писаніемъ проповѣди?—Нѣтъ, жизнь быстро и разнообразно течетъ, не ждетъ, предъявляя къ пастырю тысячи запросовъ, за которыми никогда не угнаться составленіемъ и писаніемъ проповѣдей. Не всякій-ли христіанинъ и тѣмъ болѣе пастырь, по апостолу долженъ дать отчетъ о своемъ упованіи, и что-же будетъ это для священника, какъ не своего рода проповѣдь. Все требуетъ отъ священника устнаго слова. Пусть онъ пишетъ, сколько угодно, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. По глубоко вѣрному замѣчанію знаменитаго оратора Цицерона: «стихъ есть лучшій учитель». Писаніе проповѣдей является прекраснѣйшимъ средствомъ научиться ихъ составленію, но пусть говорить всегда, когда того требуютъ обстоятельства.

Возьмемъ систематическую проповѣдь церковную по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. Къ ней-то, кажется, можно бы приготовить священнику, какъ слѣдуетъ: и почитать, и матеріалъ собрать и подумать, составить планъ, конспектъ, и написать проповѣдь, и переписать.

Далеко не всегда. Думаемъ, что немногіе священники окажутся въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ спокойной жизни, большинство-же и не располагаютъ свободнымъ временемъ, и во всякомъ случаѣ свободное время ихъ случайно. Расчетъ, примѣрно человѣкъ, отдать сегодня

вечеръ на составленіе проповѣди, а тутъ, смотришь, позвали пособоровать или причастить больного, или пришли люди съ какими-нибудь неотложными нуждами, и пропалъ вечеръ, и на завтра случилось то же. Словомъ, на каждый день можетъ оказаться своя нужда и неотложная работа. Главное, что въ жизни священника много случайнаго. Выполнить все въ отношеніи составленія и писанія проповѣдей очень часто, независимо отъ человѣка, не оказывается возможнымъ, а писаніе и переписываніе проповѣдей трудъ большой, требующій многихъ часовъ и не одного вечера. Вотъ и приходится человѣку ограничиться главнѣйшимъ и необходимѣйшимъ, т. е., почитать, собрать матеріалъ, а подумать, такъ сказать, переварить сію пищу духовную, планъ составить, подобрать подходящіе образы, сравненія, намѣтить доводы, все это предстоитъ сдѣлать не такъ, какъ-бы хотѣлось, съ комфортомъ, за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукѣ, а походя, на извожикѣ, въ трамваѣ и во всякомъ другомъ положеніи. Что же касается словесной формы, то, конечно, о ней думать не всегда приходится. Готовая проповѣдь облечется въ свою форму при самомъ произношеніи ея.

Намъ кажется, что таковы требованія жизни, и худо-ли то, хорошо-ли, но не можетъ умѣститься она въ рамки одного писанія проповѣдей.

Прот. *Евг. Кондратьевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія.

Перепечатка писемъ воспрещается.

Письма Высокопреосвященнѣйшаго Антонія.

Дорогіе мои родители!

Я Вамъ все не пишу потому, что бывають у меня живые свидѣтели, которые доставляютъ Вамъ извѣстія обо мнѣ. При томъ при началѣ учебнаго года скоплет-

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Мысли о церковной импровизаціи.

(Продолженіе ¹⁾).

Что-бы сказали, положимъ, о скрипачѣ, который не владѣетъ смычкомъ, или о плотникѣ, не умѣющемъ держать въ рукахъ топора, или о какомъ другомъ мастерѣ и специалистѣ, не знающихъ своего мастерства или спеціальности?— Горе мастеръ, или горе-специалистъ. Не то-же-ли самое остается сказать о священникѣ, не владѣющемъ словомъ, не умѣющемъ сказать двухъ-трехъ фразъ, предварительно ихъ не написавши. Какой-же это служитель «слова». Какой наставникъ и учитель?

Намъ возражать, что мы очень многого хотимъ, желая видѣть въ лицѣ cadaго пастыря постояннаго съ живымъ словомъ проповѣдника. Сошлются при этомъ на того-же высокоавторитетнаго архіепископа Амвросія. Почитайте, скажутъ, какія серьезныя требованія предъявляетъ онъ къ импровизатору. Послѣдній, по мнѣнію Амвросія, долженъ обладать высшими дарованіями. На самое импровизаторство Высокопреосв. Амвросій смотритъ, какъ на долгъ исключительныхъ особо одаренныхъ натуръ, которыя онъ совѣтуетъ заранѣе отмѣчать, чтобы своевременно развивать таящійся въ нихъ великій даръ. О легкомысленномъ отношеніи къ импровизаціи арх. Амвросій говоритъ такъ: «есть люди, у которыхъ много храбрости и смѣлости, при недостаткѣ таланта, а импровизація непремѣнно его требуетъ. И замѣчательно, что всю трудность импровизаціи понимаютъ люди, наиболѣе даровитые, а съ необычайною смѣлостью рѣшаются на нее люди малоспособные и часто такіе, которымъ безъ грѣха слѣдовало-бы запретить ее. Отъ чего это происходитъ? Главнымъ образомъ отъ того, что бездарные всегда обладаютъ большею самоувѣренностію.

Если они говорятъ много и проворно, они легко поддаются искушенію быть импровизаторами на соблазнъ въ храмахъ. Непослѣдовательность и запутанность въ мысляхъ, неточность выраженій, недостатокъ вкуса и чувства приличія въ выборѣ словъ дѣлаетъ этихъ импровизаторовъ людьми опасными въ дѣлѣ служенія въ церкви. Поэтому нужно по отношенію къ нимъ особенное наблюденіе церковной власти».

Да, дѣйствительно, высказанная нами мысль оказывается совершенно несогласной со взглядомъ высокоавторитетнаго импровизатора. Но зато она подтверждается другимъ сторонникомъ импровизаціи, проф. Тарѣевымъ, полагающимъ, что всякій священникъ можетъ быть импровизаторомъ.

Попытаемся выяснитъ этотъ вопросъ.

Что собственно требуется отъ оратора церковнаго?

Есть особое мастерство слова, которое по справедливости считается однимъ изъ высшихъ искусствъ, и которое несомнѣнно предполагаетъ и природное дарованіе въ человѣкѣ, и большой, напряженный, притомъ неопредѣленный, трудъ развитія природной способности. Говоримъ: «неопредѣленный», ибо далеко еще не установлены вѣрные способы отграничить этотъ духовный алмазъ. Истинный ораторъ блестящъ и изяществомъ, и красотою, и изысканностью, и силой рѣчи, чаруя и увлекающая ею, подобно пѣвцу или художнику-музыканту, слушателей. Онъ владѣетъ словомъ съ такою-же легкостью, какъ примѣрно жонглеръ мячами или какими другими предметами, или какъ учитель фехтованія рапирою или шпагой, или фокусникъ своими руками. Слово всегда является послушнымъ орудіемъ его мысли и служитъ его цѣлямъ. Съ этой стороны способность слова оказывается исключительно формальной способностью, въ родѣ

¹⁾ См. Изв. 31 и 32.

какъ-бы сосуда, въ который наливаютъ всякую влагу, или оружія, обращаемаго въ какую угодно сторону. Но слово въ рукахъ большого мастера всегда является великою силою, хотя нерѣдко, къ сожалѣнію не созидательною, а скорѣе разрушительною.

Преосвященный Амвросій говоритъ о церковномъ импровизаторѣ, какъ о чловѣкѣ, владѣющимъ этимъ высшимъ искусствомъ и потому, конечно, явленіи рѣдкомъ и можно сказать исключительномъ.

Конечно, гдѣ и быть такому слову, какъ не въ церкви и не прежде-ли всего должно оно служить всею своею созидательною силою великой истинѣ Христова ученія? Вполнѣ понятна мысль арх. Амвросія о необходимости наблюденія за природными талантами слова въ духовномъ юношествѣ, о выработкѣ талантовъ, о воспитаніи будущихъ даровитыхъ проповѣдниковъ... Но развѣ такое искусство требуется отъ скромнаго проповѣдника, обязаннаго учить свою паству вѣрѣ Христовой и закону Божию? Не достаточно-ли для послѣдняго простого безыскусственнаго слова? Простую здоровую пищу, духовную обязанъ предлагать пастырь жаждущему слова Божія народу. Высшее-же искусство слова— есть роскошь, есть своего рода гастрономія, изысканныя яства. Хорошо, гдѣ они есть, можно тому только радоваться, но нельзя того ставить въ обязанность рядовому проповѣднику.

Неужели-же для простого слова требуется особая способности? — Конечно, нѣтъ. Или, быть можетъ, сложная наука?—Наука непремѣнно нужна. И въ пастырской подготовкѣ развитіе способности слова и преимущественно устнаго должно занимать первое мѣсто. Будущій пастырь долженъ непремѣнно овладѣть техникой слова въ той скромной степени, какая необходима для исполненія долга учительства. Но развѣ это является чѣмъ-нибудь непосильнымъ? Правда, какъ во времена архіепископа Амвросія, какъ во время нашего ученія, такъ и теперь едва-ли

установлены какіе-либо опредѣленные приемы наученія живому слову. Но это показываетъ лишь недостаточную высоту постановки семинарской гомилетической науки и совершенное отсутствіе опытныхъ учителей слова.

Что-же касается особыхъ трудностей проповѣди, вызываемыхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что проповѣдь предлагается всегда въ собраніяхъ и иногда очень многочисленныхъ, то думается, что въ этомъ есть какое-то недоразумѣніе. Не многолюдство, а отсутствіе людей, дѣйствительно, затрудняетъ, напр., выступающаго артиста. И каждому понятно, что нелегко и скучно играть почти въ пустомъ залѣ. Не то-же-ли самое надо сказать и про проповѣдника. Вѣдь, все служеніе священническое совершается въ присутствіи народа. Многолюдство — это естественная стихія пастыря, это его сфера, въ которой онъ долженъ чувствовать себя совершенно спокойно. Иначе какъ-же ему совершать свое служеніе? И это освоеніе съ народомъ, по нашему мнѣнію, для чловѣка нормальнаго исключительно дѣло лишь навыка и привычки.

Итакъ мы никакъ не можемъ считать требованіе отъ пастыря постояннаго устнаго слова требованіемъ большимъ и тяжелымъ.

Архіепископъ Амвросій рекомендуетъ на легко относящихся къ импровизации обращать особенное вниманіе и, по его словамъ, не грѣхъ-бы запрещать такую проповѣдь.

Но что, разумѣть подъ недостаточностью? Это очень растяжимо. Неужели же, если священникъ не можетъ красиво или хотя-бы достаточно вѣско говорить, напр., о трезвости, о воздержаніи, о трудѣ, лучше вовсе ему о томъ не говорить. Не то ли это какъ если-бы не давать пищи, голодному, потому что нѣтъ красиваго блюда... Пусть, скажутъ, непремѣнно пишетъ проповѣди. Но вѣдь въ результатѣ къ чему же это приведетъ? Тотъ родъ проповѣди, который сама жизнь требуетъ, который даетъ воз-

возможность священнику трудиться надъ нимъ и производительно и получая въ немъ самомъ и нравственное удовлетвореніе и радость, отпадетъ, а другой, т. е. писаніе проповѣдей, требующій очень большого механическаго труда по самому процессу письма, какъ ясно показываетъ жизнь церковная, не прививается и не привьется. Возьмемъ для наглядности самую обыкновенную житейскую картину. Не представилось, скажемъ, возможности священнику написать къ Воскресенью проповѣдь, пришлось пропустить ее, и на другой недѣлѣ то же случилось, а тамъ просто полѣнился написать. Обычай ежеприходнаго проповѣданія нарушенъ. А чѣмъ дольше не писалъ, тѣмъ работа писать проповѣди, и такъ по многимъ причинамъ не легкая, становится еще труднѣй. И проповѣдь пишется на нѣкоторые только дни... а потомъ и совсѣмъ оставляется. А пройдетъ такъ 5—6 лѣтъ безъ упражненій, и составленіе проповѣди обратится прямо въ трудъ непосильный. Если же не будутъ проповѣдывать священники, какъ, дескать, недостаточно умѣющіе и недостаточно подготовленные, пойдутъ съ проповѣдью въ народъ мужики и бабы, непременно пойдутъ, ибо какъ не бываетъ пространства безъ воздуха, такъ не можетъ обойтись и народъ безъ удовлетворенія этого запроса къ религіозно-учительному слову. Чему же такія проповѣдники научатъ и въ какія дебри поведутъ бѣдный народъ, объ этомъ намъ хорошо извѣстно.

Прот. *Ев. Кондратьевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія.

Перепечатка писемъ воспрещается.

Письма Высокопреосвященнѣйшаго Антонія.

1889 г. Сентября 4.

Дорогіе мои родители!

Простите мнѣ долгое мое молчаніе. И многодѣланіе, и лѣность пожалуй, — все мѣшало мнѣ писать Вамъ. Дѣла же у меня дѣйствительно было множество. Приемные экзамены, составленіе списковъ, многосложныя засѣданія Совѣта и Правленія, хозяй-

ственные дѣла Академіи, открытіе новаго учебнаго года... Нужно было вездѣ по-смотреть, подготовить. Теперь, слава Богу, положили уже мы начало трудовъ своихъ. 1-го сентября въ своей академической церкви я отслужилъ молебенъ предъ началомъ ученія, сказавъ предварительно вступительное поученіе, а 2-го сентября были уже лекціи.

Въ торжественный петербургскій и все-россійскій праздникъ 30 августа я служилъ литургію вмѣстѣ съ митрополитомъ. Изъ **ВЫСОЧАЙШИХЪ** Особъ присутствовали за литургіей: королева Эллиновъ, в. к. Владиміръ Александровичъ и вел. князя Константинъ Константиновичъ и Димитрій Константиновичъ и Вѣра Константиновна.

Богослуженіе въ этотъ день всегда отличается особенною торжественностью. Поютъ два хора: хоръ придворный и хоръ митрополитскій. Вообще богослуженіе бываетъ торжественное и пѣніе прекрасное.

Я, слава Богу, здоровъ. М. С. Суворовой скоро вышлю 10 фотографическихъ карточекъ для ея дѣтей.

Тетушку и Костю цѣлую.

Любящій Васъ сынъ Вашъ

Епископъ *Антоній.*

1890 г. марта 8.

Дорогіе мои родители!

Письмо Ваше получилъ. Благодарю Васъ за Ваше поздравленіе съ Св. Четырнадцатницею и за Ваши благожеланія. Настоящую Св. Четырнадцатницу мнѣ приходится проводить въ тяжелыхъ трудахъ, въ постѣ и бдѣніяхъ. По распоряженію Св. Синода, какъ Вы знаете, вновь возстановленъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ старый обычай служенія по средамъ и пятницамъ всего Великаго поста литургій Преждеосвященныхъ Даровъ. Нашимъ студентамъ это усиленное Богомоленіе не всѣмъ, конечно, по вкусу. Занятія у нихъ учебныя не убываютъ, а тутъ новая трудовая прибавка... Я рѣшилъ итти рядомъ съ ними въ передовомъ ряду, чтобы не сказали они, что на нихъ только однихъ возлагаютъ бремена тяжелыя, и служу теперь самъ всѣ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ, а также что дѣлаю уже весь годъ — и всѣ воскресныя и празд-

Мысли о церковной импровизаціи.

(Продолженіе *).

Думается, что каждый пастырь могъ-бы быть проповѣдникомъ - импровизаторомъ уже по одному тому, что онъ долженъ проповѣдывать, каковой долгъ возложенъ на пастырей св. апостолами, Церковью и Самимъ Господомъ Исусомъ Христомъ, въ лицѣ Своихъ апостоловъ повелѣвшимъ пастырству проповѣдывать всѣмъ народамъ, уча ихъ соблюдать все, заповѣданное Имъ. Очевидно, что ни Господь Богъ, ни св. Церковь не возлагаютъ на пастырей бремени непосильнаго. Скажутъ, что въ обязанности учительства, возложеннаго на пастырей, не разумѣется непременно учительство живымъ словомъ. Намъ же кажется, что оно-то именно и разумѣется или во всякомъ случаѣ преимущественно оно, какъ, по нашему мнѣнію, единственно удовлетворяющее неотложнымъ требованіямъ жизни. Писаніе проповѣдей это все же не общее, а часть, не существо дѣла, а подробность. Писанія проповѣдей, пожалуй, могло бы и не быть, по крайней мѣрѣ, въ тѣ давнія времена, когда самая письменность не имѣла той легкости и быстроты и такого широкаго распространенія, какъ теперь, но устная проповѣдь не могла не существовать. Впрочемъ, мы не будемъ останавливаться подробно на этой мысли. Перейдемъ къ требованіямъ, предъявляемымъ проповѣдникамъ-импровизаторамъ.

По мнѣнію арх. Амвросія, очень многимъ нужно обладать проповѣднику для импровизаціи. Тутъ требуется и сильный, острый умъ, и живое воображеніе, и большая память, и серьезныя знанія, и даръ слова, и вѣщныя данныя. — Все это, конечно, совершенно вѣрно. Но намъ кажется, что при этомъ нужна нѣкоторая

оговорка. Скажемъ примѣрно. Если-бы спросили насъ, что требуется для пѣвца, думаемъ, что не было-бы ошибкой съ нашей стороны сказать: пѣвцу, дескать, требуется выдающійся голосъ по силѣ, по пріятности тембра, по красотѣ, требуется въ совершенствѣ владѣть голосомъ, нуженъ музыкальный слухъ, изящный вкусъ, знаніе теоріи музыки и т. п. Но не значитъ-же это, что не имѣющій такихъ талантовъ не можетъ быть, напр., церковнымъ пѣвцомъ. Все то необходимо для перво-класснаго артиста, а не для псаломщика. Такъ и въ области проповѣди, какъ и во всякой другой, чрезвычайно длинный рядъ степеней искусства, между которыми громадная разница. Что-бы мы ни пересчитали, какія-бы требованія ни предъявили проповѣднику, все будетъ малымъ для того, чтобы быть такимъ, напр., витіей, какъ Филаретъ Московскій, Иннокентій Херсонскій и имъ подобные. Но со всѣмъ иное, или то-же, но въ несравненно меньшей степени требуется для скромнаго зауряднаго сельскаго проповѣдника. Не достаточно ли для него среднихъ природныхъ способностей? Нужна, конечно, подготовка серьезная и цѣлесообразная, нужна правильная постановка дѣла, а дальше трудъ напряженный и непременно постоянная практика. Думается, что такимъ путемъ пусть не сразу, но современемъ будутъ выработываться хорошіе проповѣдники-импровизаторы, которые если и не будутъ ярко блистать, будутъ по совѣсти исполнять долгъ свой и плодотворно трудиться надъ просвѣщеніемъ своей паствы. Здѣсь мы позволимъ себѣ, кстати, привести совѣтъ проповѣдникамъ архіепископа Иннокентія Херсонскаго, который въ настоящій разъ хотя говоритъ, собственно не объ импровизаціи, но представляетъ дѣло проповѣди не столь труднымъ и для человѣка вполне доступнымъ. «Чтобы сдѣлаться хорошимъ проповѣдникомъ», совѣтуетъ онъ, «для этого требуется немногое. Пишите, во-первыхъ, просто, безъ всякихъ умствованій. Это не въ духѣ евангельскихъ истинъ.

* См. №№ „Изв.“ 31, 32, 33.

Видите, какъ онѣ просты и доступны для каждаго и какъ обильны мыслями! Читаешь и не читаешься. Пишите, во-вторыхъ, не съ тѣмъ, чтобы показать себя, или, такъ сказать, блеснуть: этой мысли вы опасайтесь, иначе далеко уклонитесь отъ цѣли. Намъ нужно убѣдить, наставить, вразумить. Вотъ цѣль проповѣдника. Но главное вы сами должны быть, прежде всего, убѣждены въ той истинѣ, какую хотите передать другимъ, а для этого нужны твердая вѣра и доброе сердце. Третье, касательно слушателей: принимайте ихъ, кто-бы они ни были, не болѣе какъ за вашихъ учениковъ, и вы будете говорить смѣло и свободно. Говорите, а не читайте, старайтесь говорить наизусть, и слушатели всегда останутся довольны. Наконецъ, въ четвертыхъ, помните, что исходя на среду церкви для проповѣданія, выходите какъ-бы на всемірную апостольскую проповѣдь, что вы то, что посланники Божіи. Представивъ все это, вы невольно возблагодарите предъ своимъ высочимъ назначеніемъ и произнесете проповѣдь прекрасно». (Воспоминанія о преосв. Иннокентіи I. I.).

Попытаемся теперь жизненно такъ сказать испытать высказанную нами мысль. Вышелъ, примѣрно, изъ Духовной Семинаріи, окончивъ курсъ ученія, юноша 20—21 года, получаетъ мѣсто сельскаго священника. Что-же, неужели-же ему поручить учительство и въ формѣ импровизаціи? И какой-же это учитель?—Лучше-бы, скажемъ мы, если-бы была къ тому возможность, вовсе не ставить столь юныхъ священниками, или же назначать ихъ сначала въ церкви съ двухъ составными причтами, чтобы старшій и болѣе опытный пастырь былъ бы въ нѣкоторомъ родѣ руководителемъ начинающаго проповѣдника, но если онъ опредѣленъ однимъ священникомъ, то кому-же другому, кромѣ него, поручить учительство? Вѣдь не псаломщику-же? Другого лица нѣтъ, а Церковь и паства безъ слова учительнаго оставлены быть не могутъ. Пусть, возражать, не ина-

че проповѣдуетъ, какъ предварительно составивъ и написавъ проповѣдь. Но, во-первыхъ, едва-ли это будетъ содѣйствовать улучшенію проповѣди, а во-вторыхъ, это неизбѣжно приведетъ и къ сокращенію проповѣди, а въ концѣ и къ умолчанію проповѣдника. Да и что, собственно, спросимъ мы, можетъ сдѣлать вреднаго для Церкви и паствы, пусть юный и неопытный, но съ живою вѣрою въ сердцѣ, проповѣдникъ, если онъ со всѣмъ пыломъ юности ненавидитъ зло, неправду, ложь и всякій мракъ и тьму?—Какіе-нибудь неосторожные шаги. Что-же изъ того? Это дѣло поправимое, но за то такимъ путемъ современемъ воспитается настоящій проповѣдникъ. Скажутъ, а вотъ, можетъ быть, этихъ то добрыхъ чувствъ, этой-то ревности онъ и не имѣетъ.—А тогда ояъ не только не можетъ быть проповѣдникомъ, но никакъ не можетъ быть и священникомъ.

Если-бы намъ довелось напутствовать, скажемъ, своего сына на пастырское проповѣдническое служеніе, мы сказали-бы ему приблизительно слѣдующее: Время школьнаго ученія кончилось, теперь долженъ учить самъ, и благословясь, принимайся за дѣло. Продолжай упражняться въ писаніи проповѣдей, это лучшій способъ научиться ихъ составленію, но проповѣди непремѣнно говори и говори неопустительно. Пріучись говорить съ самаго начала, иначе никогда не будешь проповѣдникомъ. Въ особыхъ развѣ какихъ торжественныхъ случаяхъ выступай съ записанными проповѣдями, а то лучше говори такъ... Думаемъ, что совѣтъ нашъ, подсказываемый искреннею любовью къ человѣку и желаніемъ только блага людямъ, не былъ бы невѣрнымъ и неосторожнымъ.

Попытаемся теперь, съ другой стороны, освѣтить нашу мысль.

Едва-ли кто будетъ спорить съ тѣмъ, что далеко не на высотѣ стоитъ современная церковная проповѣдь, и безжизненная, и сухая, и утомительно-скупная,

а по мѣстамъ и вовсе ея нѣтъ.

Гдѣ причины такого печальнаго явленія? Вѣдь, кажется, учительство церковное не есть только трудъ, долгъ и обязанность, но въ немъ заключается и доля нравственнаго удовлетворенія и духовной радости. Вѣдь, ничто такъ не поднимаетъ авторитета пастыря, какъ свободное и разумное слово истины, ничто такъ не сближаетъ его съ народомъ, какъ постоянное живое учительство. Только при этомъ условіи священникъ можетъ быть не номинально, а фактически руководителемъ народнымъ. Это одна изъ самыхъ дорогихъ сторонъ пастырскаго служенія. Но къ нашему несчастію этого-то и нѣтъ, а въ зависимости отъ того и вліяніе на народъ духовенства незначительно. Зато само духовенство всегда въ загонѣ и отъ своихъ, и отъ чужихъ, и въ обидѣ, и въ доношеніи, и часто въ нищетѣ. Кто его не ругаетъ, и кто не оскорбляетъ?—Истинно, развѣ лѣнливый. Но не само-ли оно отчасти въ томъ виновато, выпустивъ изъ рукъ своихъ врученный ему и Богомъ, и властью государственною могучій мечъ живого слова, или притупивъ сей мечъ... Но почему-же, если и для самого духовенства такъ нужна и такъ дорога проповѣдь, почему ея нѣтъ? Или почему она такъ неудовлетворительна?— Не владѣютъ пастыри технической стороною слова?— Нельзя того сказать. Послушайте священника и на урокахъ закона Божія, и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ частныхъ бесѣдахъ, вездѣ его рѣчь свободна и легка, какъ рѣчь вообще интеллигентнаго образованнаго человѣка. Конечно, могъ бы онъ, хорошо говорить и съ каедедры церковной, но что-то мѣшаетъ этому. Вспомнимъ опять приснопамятнаго Амвросія Харьковскаго, которому, при всѣхъ его разнообразныхъ и крупныхъ дарованіяхъ, и въ голову не приходило рѣшиться безъ тетрадки выступать передъ народомъ.

«Какъ намъ, не слышно», говорилъ ему Ф. В. Самаринъ, — «вы говорите со мною

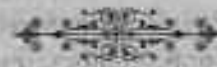
по цѣлымъ часамъ, говорите свободно о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и не можете сказать нѣсколько словъ вашимъ прихожанамъ, когда это крайне нужно! Вы, особенно вы, непременно должны это дѣлать! Не умѣете, — учитесь, привыкайте!»

Нѣтъ, не трудность слова, а что-то другое является для священника помѣхой на этомъ пути живой рѣчи. Намъ кажется, что отчасти сказывается здѣсь малая теоретическая подготовка будущихъ пастырей; не достаточно внушенъ и не глубоко отъ того сознанъ ими долгъ учительства, не дано правильныхъ понятій о проповѣди, а главнѣе всего причина недостаточности проповѣди въ господствѣ у насъ взгляда на необходимость непременно писанія и чтенія проповѣдей.. Невѣрна, такъ сказать, самая система и трудная, и непрактичная. Все равно какъ, скажемъ, въ сравнительно еще недавнее время практиковалась у насъ буквенная система ученія чтенію: «буки-азъ» — ба и такъ далѣе, при которой годами мучились и страдали дѣти для усвоенія того, чего при звуковой системѣ они достигаютъ если не въ нѣсколько дней, такъ въ нѣсколько недѣль. Такъ и въ дѣлѣ проповѣди. И въ результатъ такой системы вмѣсто лучшаго, получалось худшее, вмѣсто литературно обработанной проповѣди, нерѣдко только одна видимость проповѣди.

Не все-ли это говорить за широкое развитіе церковной импровизаціи, при которой только проповѣдь и можетъ быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть.

Прот. Ев. Кондратьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

гдѣ и преподалъ ему послѣднее благословеніе предъ казнію. 4) Состоялъ членомъ временной комиссіи, учрежденной при Св. Синодѣ, для ревизіи метрическихъ и обыскныхъ книгъ Адмиралтейскаго Спиридоновскаго собора и слѣдствія о повѣнчаніи незаконныхъ браковъ священникомъ Михаиломъ Кутневичемъ, въ 1884 году. 5) По избранію духовенства 2 столичнаго округа, съ 10 іюля 1890 года по сіе время непрерывно въ теченіе 8-ми трехлѣтій состоялъ помощникомъ Благочиннаго 2-го округа. 6) Съ 28 марта 1892 года состоялъ по назначенію епархіальнаго начальства, настоятелемъ Пантелеймоновской церкви. 7) Въ теченіи многихъ лѣтъ состоялъ депутатомъ благочинническаго округа, а потомъ своего причта на епархіальныхъ съѣздахъ духовенства и старость, а на послѣднемъ въ 1912 году былъ даже предсѣдателемъ съѣзда. 8) По назначенію епархіальнаго начальства, участвовалъ въ комиссіяхъ, учреждавшихся при Св. Синодѣ относительно допущенія къ употребленію въ церквахъ хлопковаго масла—1909 г. и благоустройства епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ—въ 1910 г. Еще многочисленнѣе и разнообразнѣе были обязанности по епархіальнымъ просвѣтительнымъ и благотворительнымъ домамъ, возлагавшіяся на меня епархіальными съѣздами духовенства въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ службы. Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе продолжительныя по времени и отвѣтственныя по существу дѣлъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мысли в церковной импровизаціи.

(Продолженіе ¹⁾).

Многихъ пастырей несомнѣнно удерживаетъ отъ импровизаціи присущая, особенно людямъ серьезнаго ума, скромность.

Какъ, дескать, выйти на поприще свободнаго учительства, въ которомъ требуется отъ проповѣдника столько умѣнья, знаній, опыта, челоуку, положимъ, не высшаго образованія и малыхъ дарованій?— Но какъ, пусть спроситъ себя колеблющійся, не исполнить священнику своего прямого долга? Какъ пренебречь предоставленнымъ ему учительствомъ церковнымъ? Кто-же тогда вмѣсто пастырей будетъ учить народъ?— Посмотрите, сколько кругомъ темноты, заблужденій, суевѣрій, пороковъ, преступленій... А причина сего, если не единственная, то главная— религиозное невѣжество. Научите челоука закону христіанскому, раскройте ему глаза на такія страсти, какъ гнѣвъ, злоба, гордыня, зависть, и если не во имя высшаго закона правды и любви, то хотя-бы по одному благоразумію люди будутъ стремиться и къ миру, и къ воздержанію, и къ труду, какъ къ непремѣннымъ условіямъ счастливой жизни. Пусть одно сознаніе еще не переродитъ страстнаго челоуческаго сердца, что доступно лишь дѣйствію благодати Божіей, но все-же оно, это сознаніе, есть первая ступень къ исправленію жизни.

Хорошо, конечно, если христіанскій проповѣдникъ стоитъ въ курсѣ современной науки. Это дастъ ему возможность ближе подходить къ возрѣніямъ образованныхъ людей и лучше отвѣчать на ихъ запросы. Понятнѣе послѣднимъ будетъ самый языкъ высокообразованнаго проповѣдника. Но все-же въ дѣлѣ проповѣди это не главное и существенное, а второстепенное. Должно никогда не забывать, что мы, проповѣдники, обладаемъ такимъ сокровищемъ, предъ которымъ ничто вся мудрость вѣка сего и всѣ его мудрецы. Только евангеліе Христово, вѣра христіанская даетъ всему смыслъ и значеніе. «Я рассудилъ быть у васъ ничего не знающимъ», писалъ св. ап. Павелъ Коринѣянамъ, «только Іисуса Христа и сего распята (I Кор., 2, 2)». Вотъ истина, міръ просвѣщающая, родъ челоуческой спасающая. Можно все оставить, всѣмъ пренебречь, только бы сію

¹⁾ См. №№ 31—34 „Иав.“.

истину углубить въ сердцѣ своемъ. Можетъ-ли она быть кому ненужной или лишней?—Только развѣ безумнымъ или тѣмъ, коихъ обуяла гордыня демонская. И ни въ чемъ другомъ, ни въ наукѣ, ни въ образованіи, какъ въ этой истинѣ, вся сила наша, все значеніе нашей проповѣди.

Скажешь, я слабъ и неискусенъ въ словѣ.

— Но не преувеличена-ли сія слабость? Священникъ въ обычномъ порядкѣ лѣтъ десять подготовлялся къ своему служенію, получилъ по меньшей мѣрѣ среднее образованіе. Не можетъ же онъ быть совершеннымъ невѣждою въ словѣ. А во-вторыхъ, развѣ только мастерамъ слова заповѣдалъ Христосъ проповѣдывать евангеліе? Не всѣхъ-ли пастырей призываетъ Онъ къ сему? И не всѣ-ли добрые пастыри по долгу своему были провозвѣстниками ученія Христова, не взирая на искусство слова. Возьмемъ первый вѣкъ христіанской церкви. Могъ-ли тогда возникать самый вопросъ о препятствіи къ проповѣди съ этой стороны? Самъ апостолъ Павелъ считалъ себя невѣждою въ словѣ (II Кор., 11, 6), но это не помѣшало его всемірной и на всѣ вѣка проповѣди. Не были мастерами слова, въ смыслѣ особаго искусства, и прочіе св. апостолы, однако-же ими просвѣщена вселенная. Не много среди первыхъ христіанъ, какъ пишетъ тотъ-же св. ап. Павелъ, было мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ, но церковь Христова росла и умножалась. Только въ позднѣйшія времена мы видимъ пастырей, владѣющихъ высшимъ искусствомъ слова, но и они долгое время были явленіемъ не общимъ, а скорѣе исключительнымъ. Правда, первый вѣкъ церкви — время особенное, время чрезвычайныхъ даровъ духа и въ томъ числѣ, можно думать и дара слова. Не искусствомъ чело-вѣческимъ, а благодатію Божіею, дѣйствующею въ немощахъ чело-вѣческихъ, распространялось и утверждалось на землѣ царство Христово. Это, конечно, такъ. Бо-

жественный элементъ въ дѣлѣ распространенія христіанства является, несомнѣнно, преобладающимъ, но не единственнымъ. Что-либо, хотя-бы и немного, надо отнести и на долю чело-вѣческаго участія, ибо ничего для чело-вѣка Богъ не строитъ безъ самого чело-вѣка. Съ этой стороны христіанская проповѣдь перваго вѣка показываетъ, насколько главенствующимъ въ дѣлѣ проповѣди является не ея внѣшняя словесная оболочка, а духъ, двигающій слово. Для христіанскаго проповѣдника того времени ясно было до совершенной очевидности, какъ гибнуть люди, погруженные во мракъ язычества, неминуемо увлекаемые своимъ заблужденіемъ въ глубины страшной бездны, столь-же очевидно для него было и спасеніе отъ гибели въ вѣрѣ въ Господа Иисуса Христа. И вотъ живая любовь къ ближнему и глубокая вѣра двигали этотъ несмолкаемый призывъ: спасайтесь, вѣруйте въ Господа Спасителя. Истинно отъ полноты сердца говорили уста. Любовь и вѣра порождали слово, слово живое, сильное, дѣйственное.

Эту-же мысль, о главенствующемъ значеніи духа въ дѣлѣ проповѣди, особенно ярко и выразительно подтверждаетъ примѣръ ветхозавѣтной еще проповѣди пророка Іереміи. Когда послѣдній, изнемогая отъ поношеній и издѣвательствъ обличаемаго имъ народа, рѣшался не напоминать болѣе нечестивымъ о Богѣ, не проповѣдывать во имя Его, то «было» пишетъ пророкъ Іеремія, «въ сердцѣ моемъ, какъ-бы горящій огонь, заключенный въ ко-стяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его,—и не могъ (Іер. 20, 9)». Если-бы и наша душа обладала хотя малою частію сего духа, если-бы сожигалъ ее тотъ-же пламень вѣры въ Бога и любви къ со-братьямъ нашимъ, неужели-бы не нашлось тогда слова въ устахъ нашихъ?—Нашлось бы слово. Не столько, думается, въ слабости слова заключается причина молчанія проповѣдника, сколько въ иномъ—въ вялости духа, слабости вѣры, скудости любви. Вѣдь не что иное требуется отъ христіан-

скаго проповѣдника, какъ возвѣщать готовое ученіе. Не свое мы проповѣдуемъ, а Христово благовѣстіе сообщаемъ людямъ, ибо «единъ у насъ Учитель—Христосъ и единъ Наставникъ Христосъ». Не подобны-ли мы по евангельской притчѣ, какъ книжникъ, наученный царствію Божию, хозяину домовитому, износящему изъ богатой сокровищницы Церкви все потребное людямъ къ просвѣщенію и спасенію. Не приставлены-ли мы, пастыри, къ чуднымъ ключамъ воды живой, чтобы почерпать сію дивную воду и раздавать народу? Что сказали-бы мы о такихъ приставникахъ, которые отказывали-бы жаждущимъ потому лишь, что не имѣютъ для сего дорогихъ сосудовъ, а простыми почерпать не рѣшаются. Не назвали ли бы мы ихъ безумными и безсердечными?

Что-же остается сказать о пастырѣ, который, не владея словомъ изящнымъ, простымъ не рѣшается возвѣщать ученіе Христово? О пусть просто, безыскусственно будетъ слово проповѣдника, лишь-бы утолялась жажда духовная, лишь-бы насыщались люди словомъ Божиимъ, каковое истинно есть пища для души вѣрующей.

Итакъ, что-же? Не нужно, значить, христіанскому проповѣднику искусство слова? Достаточно для него слово простое, непосредственное?—Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ только, что христіанская проповѣдь можетъ быть и безъ искусства слова, и не вправѣ уклоняться отъ нея пастырь, не владѣющій симъ искусствомъ, но не говоримъ, что христіанская проповѣдь должна быть безъ искусства. Въ этомъ большая разница. Къ сожалѣнію, послѣднее мнѣніе имѣетъ своихъ сторонниковъ и возможно, что практически оно преобладаетъ въ нашей духовной школѣ. Не особенно давно намъ пришлось слышать его на одномъ публичномъ собраніи отъ представителя даже академической проповѣднической науки. На этомъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться. Что же могутъ при-

вести въ подтвержденіе своего взгляда противники искусства слова? — Умѣстны-ли, скажутъ, въ церковномъ проповѣдническомъ словѣ и на церковной каедрѣ приемы свѣтскаго оратора? отвѣчаютъ-ли они величію евангельской истины, сильной внутреннимъ своимъ содержаніемъ, а не какими-ниб. внѣшними придатками? Не внесутъ-ли они въ проповѣдь какъ-бы нѣкотораго актерства, недопустимаго въ христіанскомъ храмѣ?—Думаемъ, все это не больше, какъ одно недоразумѣніе. Искусство слова имѣетъ своею цѣлью усовершенствовать слово, умножать прирожденный человѣку талантъ. Слово великая сила и по нашему убѣжденію, ни съ какою другою несравнимая, но она сокрыта въ глубинѣ человѣческаго духа, и какъ съ немалымъ трудомъ добываются, скажемъ примѣрно, сокровища, находящіяся въ нѣдрахъ земли, такъ съ трудомъ великимъ разрабатывается и этотъ даръ Божій.

Прот. *Евг. Кондратьевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакція „Извѣстій по Петроградской епархіи“ покорнѣйше проситъ всѣхъ сотрудниковъ доставлять свои рукописи, написанныя разборчиво и на одной сторонѣ. Иначе можетъ быть большая задержка съ ихъ наборомъ и чтеніемъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ официальный: Определ. Св. Синода. — Вакансіи при церквахъ. — Денежный Отчетъ за 1-й годъ (съ октября 1914 г. по октября 1915 года) существованіе лазарета для больныхъ и раненыхъ воиновъ имени обывателей Коломенской части въ Петроградѣ. — Отъ Комитета Епархіальнаго фонда. — Отдѣлъ неофициальный: Автобіографія о. протоіерея Василія Ивановича Перетерскаго. — Мысли о церковной импровизаціи. Прот. *Евг. Кондратьевъ.*

Редакторы: | Прот. *Е. Кондратьевъ.*
| Прот. *І. Слободской.*

Издатель: Совѣтъ 0-ва распр. рел.-нравств. просв. въ лицѣ прот. *Ф. Н. Орнатскаго.*

1879 г. однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ. Врожденное призваніе влекло его въ родную духовную среду. Въ 1883 г. онъ окончилъ курсъ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата богословія, и съ правомъ искать званіе магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній. Тогда же, сразу по окончаніи курса, въ іюнь 1883 г., онъ принялъ монашеское постриженіе. Первые годы его служенія были отданы педагогической дѣятельности въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, 16 августа 1883 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Кіевскую же духовную семинарію, по догматическому богословію. Черезъ 4 года, въ 1887 г., онъ назначается инспекторомъ Ставропольской семинарии, а въ 1890 г. ректоромъ этой же семинарии. Но въ этой послѣдней должности въ Ставрополѣ онъ остается недолго. Черезъ годъ, по желанію первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, митрополита Петроградскаго, онъ переводится ректоромъ же въ Петроградскую духовную семинарію. Въ 1894 году архимандритъ Питиримъ получаетъ назначеніе на служеніе церкви въ высшемъ духовномъ санѣ епископа, въ качествѣ викарія Черниговской епархіи. Викарнымъ епископомъ онъ остается въ теченіе 2-хъ лѣтъ, и въ ноябрѣ 1896 г. назначается на самостоятельную архіерейскую кафедру въ г. Тулу. Здѣсь онъ трудится въ теченіе около 8 лѣтъ, причемъ въ 1903 г. былъ вызванъ въ Петроградъ, для участія въ засѣданіяхъ Святѣйшаго Синода, а затѣмъ въ іюнь 1904 г. перемѣщается на Курскую архіерейскую кафедру и здѣсь въ 1909 г., за отлично-усердную службу, получаетъ санъ архіепископа. Въ теченіе семилѣтняго управленія Курскою епархіею преосвященному Питириму выпало на долю много потрудиться въ великомъ и святомъ дѣлѣ открытія и прославленія мощей святителя Іоасафа Ългородскаго, какъ по подготовленію этого высокаго торжества прославленія, такъ и по устройству его. Въ октябрѣ 1911 г. архіепископъ Питиримъ полу-

чаетъ новое назначеніе на Владикавказскую архіерейскую кафедру, а черезъ два года, въ декабрѣ 1913 г., на Самарскую, на которой пробылъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, впредь до высшаго назначенія экзархомъ Грузіи.

Встаетъ новое яркое солнышко на горизонтѣ Петроградской церкви. Начинается новый день. Дай Богъ, чтобы для насъ онъ былъ такой-же свѣтлый, теплый, ясный и радостный, какъ дни Антоніевскій и Владимірскій.

Пр. Е. К.

Мысли о церковной импровизаціи.

(Продолженіе ¹⁾).

Непосредственно природное слово можетъ быть отгранено, какъ чудный драгоценный алмазь, до художественной красоты отточено, какъ тупой клинокъ до остроты бритвы. И мы видимъ, какъ часто усовершеншается слово для служенія невысокимъ цѣлямъ. Сколькихъ, напр., уловляютъ въ сѣти различныхъ заблужденій исключительно искусствомъ слова. Не тѣмъ-ли болѣе слѣдуетъ усовершенствовать слово для служенія истинѣ, для разоблаченія лжи и неправды. И никакъ нельзя такое усовершенствованіе приближать къ актерству. Актерствомъ было бы, пожалуй, если бы, скажемъ примѣрно, глубоко убѣжденный христіанинъ изощрялся въ искусствѣ слова съ цѣлію проповѣди магометанства или іудейства, чтобы красотою и лукавою прелестью слова прикрывать ложь и заблужденіе чуждой христіанину вѣры, ибо тутъ будетъ только одно притворство. Ничего подобнаго нѣтъ въ искусствѣ христіанскаго проповѣдника. И чему другому должно служить усовершенствованное, прекрасное, художественное слово, какъ не Божественной истинѣ. Не лучшій-ли это даръ Христу со стороны христіанскаго пастыря. И это взглядъ святоотеческій.

¹⁾ См. № 46 „Изв.“

Вотъ, напр., какъ говорить о словѣ свят. Григорій-Богословъ. «Сей даръ приношу я Богу моему, сей даръ посвящаю Ему. Это одно, что осталось у меня, и чѣмъ богатъ я; отъ всего прочаго отказался я по заповѣди Духа; все, что ни имѣлъ, промѣнялъ на драгоцѣнную жемчужину, только словомъ владѣю, какъ слугитель Слова. Никогда добровольно не хотѣлъ-бы пренебречь этимъ богатствомъ; я уважаю его, дорожу имъ, утѣшаюсь имъ болѣе, чѣмъ другіе утѣшаются всѣми сокровищами міра. Оно—спутникъ всей моей жизни, добрый совѣтникъ и собесѣдникъ, вождь на пути къ небу и усердный сподвижникъ».

Противники искусства слова сошлутся на примѣръ древней церкви, не знавшей искусства слова.—Да, церковь апостольская и церковь перваго вѣка была чужда сего искусства, и то никакъ не умаляло чрезвычайной силы апостольской проповѣди. Наоборотъ, никогда проповѣдь не достигала такой высоты и не имѣла большаго успѣха, какъ въ вѣкъ апостольскій. Но вѣдь древняя церковь не знала и красоты храмовъ, и величія церковныхъ зданій, и современной полноты богослуженія. Съ внѣшней стороны въ ней, при изобиліи духа, все было бѣдно и убого. Неужели отсюда возможно отрицать и церковную архитектуру, и художественную живопись, и богослужебную поэзію, словомъ. все то богатство и внѣшнихъ средствъ, и духовныхъ дарованій, которое принесъ вѣрующій человѣкъ въ церкви на служеніе Богу? Конечно, нѣтъ. Также нельзя отрицать и усовершенствованное слово. Вѣдь не отъ внѣшнихъ-же недостатковъ и бѣдности зависѣло обиліе духа первенствующей церкви, и не усугубился-бы, конечно, духъ современной церкви отъ возвращенія ея къ первоначальнымъ скудости и убожеству. Не отъ простоты слова былъ и успѣхъ христіанской проповѣди.

И что въ области слова не требуетъ совершенства?—Возьмемъ самый процессъ человѣческой рѣчи. Кажется, говорить-то каждый можетъ. Да, можетъ, но какъ го-

ворить? По мнѣнію специалистовъ, и пѣть всякій можетъ, но не безъ науки, конечно. Очень сложенъ нашъ аппаратъ слова, и, чтобы управлять имъ вѣрно и хорошо, нужно не мало поучиться. А легко-ли человѣку владѣть своими голосовыми средствами? Не бываетъ-ли такъ, что иной всю жизнь говоритъ или поетъ совсѣмъ не тѣмъ голосомъ, которымъ одарила его природа? Почему? Да потому, что не поставленъ правильно его голосъ, не поучился въ свое время. А какъ это важно для проповѣдника. Возьмемъ жесты. Сколько здѣсь нужно бы упражненія, труда. Скажутъ, что ораторъ,—дескать, церковный не долженъ допускать ихъ. Но такъ можно говорить тому, кто не упражнялся въ словѣ, или не шелъ далѣе монотоннаго чтенія скучныхъ записокъ. Да такому не нужны жесты. Но оратору, который живетъ въ словѣ, они необходимы. Жестъ явленіе невольное и совершенно законное, отъ него никуда не уйти. Если бы даже связали человѣка, такъ и то, думаемъ, въ извѣстные моменты рѣчи, онъ инстинктивно пытался-бы жестикулировать. И всякій говорящій живо, искренно, горячо, какія-бы ни предписывали ему ограниченія, не сможетъ удержаться отъ жестовъ. Но жесты, такъ сказать, не культивированные будутъ и грубы, и смѣшны. Ну каково видѣть, какъ проповѣдникъ въ моменты наибольшаго воодушевленія колотить, напр., кулакомъ по кафедрѣ, безобразно машетъ руками, или допускаетъ какія-ниб. другія смѣшныя движенія... Вѣдь, отъ того можетъ совершенно пропадать впечатлѣніе отъ самой прекрасной рѣчи...

Прот. *Евг. Кондратьевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чествованіе пастыря.

11-го ноября прихожане села Никольскаго и духовенство Шлиссельбургскаго округа чествовали 25-лѣтіе священства протоіерея о. Николая Тихомірова,—онъ же и мѣстный благочинный.

Мысли о церковной импровизаціи.

(Продолженіе ¹⁾).

Все это, скажутъ, несущественное, внѣшнее. Да внѣшнее, но для проповѣдника очень важное.

Возьмемъ болѣе существенную сторону. Обыкновенно проповѣднику рекомендуютъ говорить просто, искренно, тепло. Это общій совѣтъ. Но развѣ эта простота, искренность, сердечность непосредственныя явленія природы, а не въ значительной мѣрѣ результатъ искусства?

Вѣдь разная бываетъ простота: есть простота деревенской бабы и есть художественная простота, какъ особая и высокая степень искусства. Конечно, къ послѣдней долженъ стремиться проповѣдникъ. И эта простота можетъ быть потруднѣе всякой сложности и витіеватости рѣчи. И искренностью, и сердечною теплотою прозвучитъ рѣчь далеко не того, кто дѣйствительно искрененъ и нѣженъ сердцемъ, но того, кто умѣетъ найти, такъ сказать, соответственные ноты и размѣры и заставить звучать особыя струны въ сердцѣ слушателей. Рѣчь въ нѣкоторомъ родѣ подобна музыкѣ. Послушайте, какую захватывающей искренностью прозвучать слова великаго артиста, хотя онъ только играетъ и, можетъ быть, совсѣмъ чуждъ передаваемого имъ настроенія, и наоборотъ, какъ деревянные часто бываютъ слова человѣка при всей его искренности, не имѣющаго передать своего настроенія. Надо не только быть искреннимъ, не только имѣть теплоту сердечную, но надо умѣть проявить ихъ во внѣ, умѣть влить ихъ въ свое слово. Развѣ все это не есть область искусства?

И всему этому надо-бы поучиться будущему пастырю-проповѣднику. Надъ такимъ великимъ даромъ, какъ слово, слѣдуетъ много поработать и тѣмъ болѣе для такой высокой цѣли, какъ проповѣдь Христова ученія. Къ глубокому сожалѣнію, далеко не на высотѣ поставлена въ нашей

духовной школѣ проповѣдническая наука. Внѣшняя-же сторона проповѣди, намъ кажется, совсѣмъ пренебрежена.

Такъ по крайней мѣрѣ было въ Семинаріи при насъ. Да едва-ли лучше стоитъ дѣло и теперь. Прот. *Евг. Кондратьевъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новый митроносецъ.

23 ноября Всероссийское Братство трезвости торжественно почтило оруководителя Братства прот. П. А. Миртова по случаю исполнившагося 10-ти лѣтія его дѣятельности по борьбѣ съ алкоголизмомъ. Подробности чествованія сообщены и въ «Приходскомъ листкѣ» и въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ». Выдающаяся дѣятельность П. А. Миртова отмѣчена рѣдкой наградой — пожалованной ему, по ходатайству высшей церковной власти митрой. 29 ноября высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, совершавшій литургію въ храмѣ Воскресенія, возложилъ митру на о. Петра Алексѣевича.

Многіе искренно порадуются награжденію о. П. А. Миртова. Въ лицѣ его достойно награждена живая пастырская дѣятельность, дѣятельность, главнымъ образомъ, народная.

Дай Богъ новому достойнѣйшему митроносу столь же успѣшно и энергично продолжать свою въ высокой степени полезную дѣятельность.

Пр. *Е. К.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ **официальный**: Объявленіе Епархіальнаго Начальства.—Вакансіи при церквахъ.—Отчетъ по Эмеритальной кассѣ духовенства Петроградской епархіи, за 1914 годъ.—Отдѣлъ **неофициальный**: Первое служеніе митрополита Питирима въ Казанскомъ соборѣ.—Автобіографія о. протоіерея Василія Ивановича Перетерскаго.—Въ обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Мысли о церковной импровизаціи. Прот. *Евг. Кондратьевъ*.—Новый митроносецъ. Пр. *Е. К.*

Редакторы: | Прот. *Е. Кондратьевъ*.
| Прот. *І. Слободской*.

Издатель: Совѣтъ Об-ва распр. рел.-нравств. прогр. въ лицѣ прот. *Ф. Н. Орнатскаго*.

¹⁾ См. № 48 „Изв.“

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Мысли о церковной импровизаціи.

(Продолженіе ¹⁾)

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о приводимыхъ противъ импровизаціи возраженіяхъ со стороны ея многихъ противниковъ.

Во что, говорятъ, обратится церковная проповѣдь въ устахъ импровизатора и

¹⁾ См. № 47 „Извѣстій“ 1915 г.

малоопытнаго, и малоталантливаго? — Въ слово легкомысленное, пустое и даже просто въ болтовню, совсѣмъ неприличную и недопустимую на церковной кафедрѣ. Вѣдь, немало есть такихъ ораторовъ, которые, преувеличенно оцѣнивая свою способность, совсѣмъ не стѣсняются выступать на кафедре съ пустословіемъ. А каково людямъ слушать иногда безконечно длинныя рѣчи съ нескладнымъ, вялымъ,

путаннымъ повтореніемъ одного и того же. Не лучшее впечатлѣніе производятъ и быстрыя, бойкія фразы, безъ всякой мысли, безъ содержанія. Слушатели при такихъ рѣчахъ могутъ только недоумѣвать, къ чему человекъ говоритъ. Въ результатѣ подобное слово приноситъ одинъ вредъ. Мало того, что оно никого ничему не учитъ, но еще отбиваетъ у слушателей охоту слушать и чрезвычайно роняетъ авторитетъ церковнаго слова, поднять который потомъ будетъ стоить большихъ трудовъ.

Да, конечно, бываютъ проповѣди недостаточныя, и малосодержательныя, и легкомысленныя. Тяжело ихъ слушать. Но отчасти онѣ неизбежны. Во всякой области первые шаги несовершенны и не безъ недостатковъ. Возьмите кого угодно. Кто, напр., изъ хирурговъ въ началѣ своей дѣятельности не имѣлъ операций и неосторожныхъ, и неудачныхъ? а отъ нихъ зависѣла жизнь человѣческая. Возьмите администратора, судью. Развѣ безъ недостатковъ и ошибокъ и ихъ первыя выступления? а они касаются важнѣйшихъ сторонъ человѣческой жизни. Такъ и въ области проповѣди. Неудачные опыты импровизатора,—это первыя, въ большинствѣ случаевъ неизбежныя, ступени лѣстницы проповѣдника къ совершенству въ словѣ. И кто хочетъ овладѣть словомъ, тотъ непременно долженъ преодолѣть сіи стоящія на пути его препятствія, побѣдивъ въ себѣ чувствительное самолюбіе и оставивъ ложный стыдъ. А во вторыхъ, развѣ отъ импровизации зависитъ бессодержательность и легкомысленность проповѣди. Болтовня можетъ быть не только въ устной рѣчи, но въ равной мѣрѣ и въ письмѣ.

Скажутъ, малосодержательность проповѣди въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ недостаточной къ ней подготовки.—Противъ подготовки едва-ли что можно сказать, но, конечно, поскольку она въ возможности священника. Рѣшительно лишь мы возразимъ противъ такого нерѣдко встрѣчающаго въ жизни духовенства явле-

нія, когда священникъ, не располагая временемъ, какимъ-бы ему хотѣлось, для писанія проповѣдей, по этой, будто-бы, основательной причинѣ вовсе не проповѣдуетъ и съ теченіемъ времени совсѣмъ отъ того отвыкаетъ. И такимъ образомъ предполагающаяся необходимость тщательной подготовки проповѣди приводитъ не къ улучшенію ея, а къ совершенному прекращенію. Намъ кажется, что такъ рѣшать вопросъ пастырь никогда не въ правѣ. Онъ долженъ исполнять лежащій на немъ по отношенію къ паствѣ долгъ учительства, а какъ онъ къ нему готовится, это пасомыхъ совсѣмъ не касается. Вообще отставивъ импровизацію, какъ такой родъ проповѣди, который требуется современною жизнью и существомъ пастырскаго служенія, мы возражаемъ не противъ подготовки къ проповѣди, а противъ способъ подготовки. Сущность ея состоитъ въ основательномъ изученіи будущимъ проповѣдникомъ и священнаго писанія, и богословскихъ наукъ, и въ постоянномъ путемъ чтенія расширеніи и укрѣпленіи своихъ познаній. Безъ такого, такъ сказать, фундамента невозможна проповѣдь. Подборъ и разработка матеріала проповѣди для отдѣльнаго каждый разъ выступленія замѣнить этой основы никакъ не могутъ. Послѣдніе весьма желательны, но нельзя сказать, чтобы были необходимы. Есть священники, у которыхъ общая подготовка настолько основательна, что она не требуетъ всякій разъ освѣженія и поновленія готовыхъ знаній. Что-же касается построенія проповѣди, ея плана, расположенія мыслей, и особенно языка, то этимъ священникъ долженъ въ значительной мѣрѣ владѣть, ибо такова его специальность, какъ служителя слова. То, главнымъ образомъ, мы и хотимъ доказать, что нѣтъ надобности священнику точно опредѣлять и записывать словесную форму проповѣди, что можетъ оказаться трудомъ и напраснымъ, и даже въ ущербъ достоинству слова. Неужели, напр., священникъ не можетъ объяснить народу

просто и понятно молитву Господню, и неужели и тутъ надо всякій разъ одно и то-же сто разъ писать и переписывать. А такихъ предметовъ вѣдь очень много И по достоинству въ такихъ случаяхъ не лучше-ли прозвучитъ живое, отъ вѣрующаго сердца слово, чѣмъ прочитанная, хотя и безукоризненно грамотная, записка?

Мы исключимъ выступленія проповѣдника въ особо выдающихся случаяхъ при рѣдко-торжественной обстановкѣ. Пусть они требуютъ тщательно отдѣланныхъ, записанныхъ рѣчей, но въ обыкновенномъ-то, ежедневномъ наученіи народа основнымъ истинамъ христіанской вѣры и жизни что препятствуетъ священнику, хорошо подготовленному, съ высшимъ образованіемъ, выступать съ свободнымъ, живымъ словомъ?— Намъ кажется, только нерѣшительность да бессознательная боязнь, и ничто другое. Не отсутствіе особой къ каждому выступленію подготовки, выражающейся въ записи приготовленной проповѣди, является причиной недостаточности и малосодержательности проповѣди. Причина, намъ кажется, заключается въ самомъ проповѣдникѣ, въ непониманіи имъ своего положенія, своей задачи, въ отсутствіи всякихъ свѣдѣній о проповѣди, въ совершенной къ ней неподготовленности. Заставьте такого человѣка писать или говорить, если онъ не обладаетъ еще при этомъ серьезнымъ умомъ, результатъ будетъ, вѣроятно, тотъ-же самый.

Говорятъ и такъ, что предоставленный полной свободѣ священникъ можетъ наговорить въ проповѣди много и не строго православнаго и неосторожнаго. Повторяемъ: подобное можетъ быть и при писаніи проповѣдей, если таковъ проповѣдникъ. Запись въ такихъ случаяхъ не мѣняетъ дѣла. По мнѣнію нѣкоторыхъ самыхъ крайнихъ охранителей строгости церковнаго слова, слѣдовало-бы чуть-ли не каждую проповѣдь представлять въ предварительную цензуру. Но что-же изъ того выйдетъ?— Не будетъ неосторожныхъ проповѣдей?—Но не будетъ и вовсе пропо-

вѣдей. Если идти дальше по этому пути опасеній, то придется беспокоиться и о томъ, не насаждалъ-бы чего лишняго священникъ при исповѣди или въ частномъ общеніи съ прихожанами. А ужъ тутъ самый строгій и изобрѣтательный человѣкъ никакихъ мѣръ предупредительныхъ не придумаетъ и все же останется въ безпокойствѣ уже не по дѣйствительной опасности, а по одной лишь подозрительности. Если человѣкъ дѣйствительно внушаетъ о себѣ съ этой стороны подозрѣнія, то тутъ выходъ одинъ:—такой вовсе не можетъ быть священникомъ, ибо невозможно же имѣть ревизора за каждымъ шагомъ пастыря. Разъ же человѣку ввѣрено пастырство и, конечно, по достаточномъ испытаніи его, то такому никакъ нельзя не довѣрять въ дѣлѣ пастырства и учительства.

Скажутъ, что самый процессъ письма долженъ значительно стѣснять болтливость и пустословіе. Да, дѣйствительно, записываніе проповѣди даетъ меньше свободы проповѣднику, чѣмъ устная рѣчь. Но, вѣдь, то-же письмо, если судить о немъ съ этой стороны, является не меньшимъ стѣсненіемъ и для рѣчей самаго высокаго достоинства. Такъ что съ этой стороны оно является оружіемъ обоюду-острымъ, и прибѣгать къ нему ради только такой цѣли не то-же-ли будетъ, какъ если-бы, напр., всякими мѣрами стали стѣснять изобрѣтателей, чтобы не изобрѣли чего-нибудь опаснаго. Не изобрѣли-бы тогда ничего и полезнаго.

Можетъ быть, болѣе сильнымъ возраженіемъ противъ импровизаціи покажется ссылка на высокіе авторитеты проповѣдничества, не допуславшіе импровизаціи. Нормально-ли, напр., такое явленіе? Высокій художникъ слова, глубокой богословъ, человѣкъ чрезвычайной вѣры и подвижнической жизни, человѣкъ самыхъ разнообразныхъ познаній, знатокъ души человѣческой—митрополитъ Московскій Филаретъ не позволялъ себѣ выступить на кафедрѣ церковную безъ тщательно подготовленнаго и записаннаго слова—и подоб-

ныхъ проповѣдниковъ можно указать нѣскольکو, — а юный, начинающій батюшка изъ плохенькихъ семинаристовъ свободно витіюствуетъ на церковной кафедрѣ. — Какое-бы ни произвело впечатлѣніе такое сопоставленіе, но въ немъ, по нашему мнѣнію, убѣдительность только кажущаяся. На него можно отвѣтить тоже сопоставленіемъ, не менѣе убѣдительнымъ. Какой-ниб. псаломщикъ спокойно, когда-бы то ни потребовалось, поетъ церковныя пѣснопѣнія на 8-мъ гласовъ, а великій всемірный артистъ не рѣшится выступить передъ публикой съ аріей, сотни разъ имъ пѣтой, безъ особой каждый разъ подготовки. Нельзя же отсюда заключить, что нельзя, дескать, псаломщику пѣть службу, не готовясь. Такъ и въ дѣлѣ проповѣди. Юный сельскій батюшка учитъ свой простой, невзыскательный приходъ, какъ сельскій учитель дѣтей въ школѣ, а митрополитъ Филаретъ своими проповѣдями поучаетъ всю Церковь русскую, и не на сегодня или на завтра, нѣтъ, его слово звучитъ, можетъ быть, на сотни лѣтъ. То образецъ православнаго ученія, то высокохудожественное слово. Могутъ-ли тутъ быть какія-ниб. сопоставленія величинъ несравнимыхъ. Тутъ совсѣмъ разныя задачи, разныя положенія, ничего не говоряція противъ церковной импровизаціи.

Прот. *Евг. Кондратьевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Трогательная заботливость.

Въ «Н. Времени» Е. Поселянинъ сообщаетъ, что «по почину нѣкоторыхъ преданныхъ Церкви мірянъ слагается общество, которое принимаетъ на себя заботу о сырыхъ, старыхъ, больныхъ и немощныхъ священнослужителяхъ (вѣроятно, и церковнослужителяхъ) и ихъ семьяхъ.

Въ члены общества будутъ входить исключительно міряне.

«Это будетъ дань міра духовенству» («Н. Вр.» № 14916 отъ 26 апр.).

Мы опытно знаемъ, что были, есть и, надѣмся, будутъ въ мірѣ добрыя души, которымъ не безразлична судьба клириковъ. На добротныя даянія этихъ милостивцевъ главнымъ образомъ жило и живетъ огромное большинство приходскаго духовенства съ его чадами и домочадцами — здоровыми и немощными. Пожалуй, не всѣмъ мірянамъ вѣдомо, что даже и столичное духовенство черпаетъ средства къ жизни въ платѣ за требу, что оно — на приходахъ — жалованья отъ казны не получаетъ. Мы живемъ отъ волны и млека словесныхъ стадъ. Спасибо имъ за кормленіе!

Въ замѣткѣ г. Поселянина мнѣ показался необычнымъ его мягкій тонъ, его теплыя слова о духовенствѣ. Онъ написалъ прямо-таки гимнъ духовенству. По печаловался о брани, укорахъ, насмѣшкахъ, вылитыхъ на духовенство — на этихъ великихъ молчальниковъ при обидахъ... Я поразила крутымъ поворотомъ въ настроеніи и мысляхъ г. Поселянина — послѣ недавней его замѣтки въ «Колоколѣ»: «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», гдѣ горько сказано объ архиереяхъ и пастыряхъ... Но конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Прот. *Н. Дроздовъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ **официальный**: Указъ Его Императорскаго Величества, вѣдъ 1 Экспедиціи Петроградской Духовной Консисторіи № 2861. — Вакансіи при церквахъ. — Краткій отчетъ о состояніи Петроградской Духовной Семинаріи за 1914—15 учебный годъ. Отдѣлъ **неофициальный**: Мысли о церковной импровизаціи. Протоіерей *Евгеній Кондратьевъ*. — Трогательная заботливость. Протоіерей *Н. Дроздовъ*.

Редакторы: { Прот. *Е. Кондратьевъ.*
Прот. *І. Слободской.*

Издатель: Совѣтъ 0-ва распр. ред.-правств. проsv. въ духѣ Прав. Церкви въ лицѣ прот. *Ф. Н. Орнатскаго.*